

щаго Ашика [балалаечника], отстала и пошла къ нему. — Что ты спишь под виноградником? — заплѣла она, — вставай, безумный, твою газель идеть мимо. — Онъ проснулся: дѣвушка порхнула прочь, какъ птичка. Магуль-Мегери слышала ея пѣсню и стала ее бранить. — Если бѣ ты знала, — отвѣчала та, — кому я пѣла эту пѣсню, ты бы меня поблагодарила: это твоей Ашикъ Керибъ. — Веди меня къ нему! — сказала Магуль-Мегери, и онѣ пошли. Увидавъ его печальное лицо, Магуль-Мегери стала его спрашивать и утѣшать. — Какъ мнѣ не грустить, — отвѣчалъ Ашикъ-Керибъ, — я тебя люблю, и ты никогда не будешь моею! — Прости мою руку у отца моего, — говорила она: — и отецъ мой сыграетъ нашу свадьбу на свои деньги и наградитъ меня столько, что намъ вдвоемъ достанетъ. — Хорошо, — отвѣчалъ онъ, — положимъ, Аякъ-Ага ничего не пожалеетъ для своей дочери; но кто знаетъ, что послѣ ты не будешь меня упрекать въ томъ, что я ничего не имѣлъ и тебѣ всею обязанъ? Нѣтъ, милая Магуль-Мегери, я положилъ зарокъ на свою душу: обѣщаюсь семь лѣтъ странствовать по свѣту и нажить себѣ богатство, либо погибнуть въ дальнихъ пустыняхъ. Если ты согласишься на это, то по истеченіи срока будешь моею. — Она согласилась, но прибавила, что если въ назначенный день онъ не вернется, то она сдѣлается женою Куршудъ-бека, который давно ужъ за нее сватается.

Пришелъ Ашикъ-Керибъ къ своей матери, взялъ на дорогу ея благословеніе, поцѣловалъ маленькую сестру, повѣсилъ черезъ плечо сумку, оперся на посохъ странничій и вышелъ изъ города Тифлиса. И вотъ догоняетъ его всадникъ; онъ смотритъ: это Куршудъ-бекъ. — Добрый путь! — кричалъ ему бекъ, — куда бы ты ни шелъ, странникъ, я твой товарищъ. — Не радъ былъ Ашикъ своему товарищу, но нечего дѣлать. Долго они шли вмѣстѣ, наконецъ завидѣли передъ собою рѣку. Ни моста, ни броду. — Идыви впередъ, — сказалъ Куршудъ-бекъ, — я за тобою послѣдую. — Ашикъ сбросилъ верхнее платье и поплылъ. Перебравшись, глядя назадъ — о горе! о всемогущій Аллахъ! — Куршудъ-бекъ, взявъ его одежды, ухалъ обратно въ Тифлисъ; только нѣтъ вилась за нимъ змѣя по гладкому полю. Прискакавъ въ Тифлисъ, несетъ бекъ платье Ашикъ-Кериба къ его старой матери. — Твой сынъ утонулъ въ глубокой рѣкѣ, — говоритъ онъ, — вотъ его одежда. — Въ невыразимой тоскѣ упала мать на одежды любимого сына и стала обливать ихъ жаркими слезами; потомъ взяла ихъ и понесла къ нареченной невѣстѣ своей, Ма-

гуль-Мегери. — Мой сынъ утонулъ, — сказала она ей: — Куршудъ-бекъ привезъ его одежды; ты свободна. — Магуль-Мегери улыбулась и отвѣчала: — Не вѣрь: это все выдумки Куршудъ-бека. Прежде истеченія семи лѣтъ никто не будетъ моимъ мужемъ. — Она взяла со стѣны свою саазъ и спокойно начала пѣть любимую пѣсню бѣднаго Ашикъ-Кериба.

Между тѣмъ странникъ пришелъ босъ и нагъ въ одну деревню. Добрые люди одѣли его и накормили; онъ за это пѣлъ имъ чудныя пѣсни. Такимъ образомъ переходилъ онъ изъ деревни въ деревню, изъ города въ городъ, и слава его разнеслась повсюду. Прибылъ онъ наконецъ въ Халафъ. По обыкновенію, вошелъ въ кофейный домъ, спросилъ саазъ и сталъ пѣть. Въ это время жилъ въ Халафѣ паша, большой охотникъ до пѣсенниковъ. Многихъ къ нему приводили — ни одинъ ему не понравился. Его чауши измучились, бѣгая по городу. Вдругъ, проходя мимо кофейнаго дома, слышать удивительный голосъ. Они туда. — Иди съ нами къ великому пашѣ, — закричали они, — или ты отвѣчаешь намъ головою. — Я человекъ вольный, странникъ изъ города Тифлиса, — говоритъ Ашикъ-Керибъ: — хочу — пойду, хочу — нѣтъ; ною, когда придется, и вашъ паша мнѣ не начальникъ. — Однако, не смотря на то, его схватили и привели къ пашѣ. — Пой! — сказалъ паша, и онъ запѣлъ. И въ этой пѣснѣ онъ славилъ свою дорогую Магуль-Мегери, и эта пѣсня такъ нравилась гордому пашѣ, что онъ оставилъ у себя бѣднаго Ашикъ-Кериба. Посылалось къ нему серебро и золото, забывали на немъ богатая одежда. Счастливо и весело сталъ жить Ашикъ-Керибъ и сдѣлался очень богатъ. Забылъ онъ свою Магуль-Мегери или нѣтъ — не знаю, только срокъ истекъ. Послѣдній годъ скоро долженъ былъ кончиться, а онъ и не готовился къ отъѣзду. Прекрасная Магуль-Мегери стала отчаиваться. Въ то время отправлялся одинъ купецъ съ караваномъ изъ Тифлиса съ сорока верблюдами и 80 невольниками. Призываетъ она купца къ себѣ и даетъ ему золотое блюдо. — Возьми ты это блюдо, — говоритъ она, — и въ какой бы ты городъ ни пріѣхалъ, выставь это блюдо въ своей лавкѣ и объяви вездѣ, что тотъ, кто признается моему блюду хозяиномъ и докажетъ это, получить его и, вдобавокъ, весь его золотомъ. — Отправился купецъ; вездѣ исполняя порученіе Магуль-Мегери, но никто не признался хозяиномъ золотому блюду. Ужъ онъ продалъ почти все свои товары и пріѣхалъ съ остальными въ Халафъ. Объявилъ онъ вездѣ порученіе Магуль-Мегери.